

НЕТАКИСТЫ – ТЕТРАЖИСТЫ

(АНТОЛОГИЯ СИБИРСКОГО АВАНГАРДА)

Нетакисты – от слова не так, пишем не так, как надо... - шутиливо сами себя назвали Иван Овчинников и Саша Денисенко.

Тетражист – от слова тетрадь, мол, пишу в тетрадь – Толя Маковский.

Александр Иванович ДЕНИСЕНКО,

в народе - ДЕНИС.

родился в 1947 г. в селе Мотково, Новосибирской области в семье служащих. Учитя в Новосибирском Педагогическом институте на филологическом факультете естественно.

В ЛИТО Новосибирского союза писателей быстро познакомился с Иваном Овчинниковым и с Толиком Маковским.

Втроём стали раскачивать ржавый монолит советского прикультуренного языка.

Но при этом кротко относились к другим участникам ЛИТО, в споры не вступали... Кажется, что высокомерие? Совсем и нет! Просто погружены были в себя, отклик находили друг в друге, а в тех, пусть и талантливых, традиционно пишущих – ничего не находили...

Поскольку в 60-е годы интернета не было, ничего не знали о больших и настоящих (о Лианозовской школе, о Ленинградских поэтах: Шварц, Миронове, Аранзоне) И уж, конечно, отталкивали от себя всякое шестидесятничество... да нет, оно и само понимало - не прилипало ничуть...

Надо ли говорить, что они были естественно аполитичны?

То есть жизнь и родина были, хоть и печальны (часто), но волнующе - прекрасны! А печаль накатывала, на самом деле, как раз от избытка жизненных сил и юности.

Сибирская земля настолько огромна, что на ней не видно было ничего такого политического, один только снег и поэты.

А что было? Из чего они создавались?

Из тихой нашей Областной библиотеки, где чёрный томик Кафки, синий - Камю и (цвет не помню) Сартр.

И курилка, в которую снег, закручиваясь, залетал, когда входили с улицы.

Конечно, снега у нас было много. Снег у нас у всех в книжках по самые окошки.

ВАНЯ

ТОЛИК

ДЕНИС

Три важнейших поэта русской нашей многострадальной литературы.

Вот, о Денисе пишут:

естественный продолжатель Есенина.

Один такой.

А Рубцов?

И Рубцов – драгоценность!

Но мы же тут о Денисе.

Один такой.

И что-то спрятано в его стихах ещё. Его одного.

Толик (убиенный) про Саню: «И ДЕНИС, ПОКАТЫЙ ГОГОЛЬ...»

У Сашиних стихов такое свойство, что они сразу берут в плен. Любого. Почти. Самого нечуткого к слову человека. В них сразу красота и нежность, и грусть, и нежность. И такие хорошие радостные переживания, что им нельзя не отдаться.

А, да, ещё забыла: бывало Денис как кинет шапку в сугроб, как топнет валенком, как гаркнет... а на его русском затылке снежинки тают...

ДЕНИС нас всех превратил в коней.

Ну, и похвастаюсь, в конце концов. Когда-то с заездом, ошалевшим от Москвы новосибирцем, передала свою книжку Денису. И Денис сказал: «Нина знает все слова» И это моя гордость и радость!

Нина САДУР

ИТАК, СТИХИ. НАСЛАЖДАЙТЕСЬ!

* * *

Наша юность зацвела в Новосибирске,
Нас повёз вперёд один локомотив,
Он на Гоголя жил с мамой по-английски,
И у них там неплохой был коллектив.

Вдруг сверкнуло что-то. Сильно долбануло.
Но не выпало вечернее перо.
Только строчки кое-где перевернуло.
Заголовок оборвало. Оборво

Наша наглухо закрытая поэзия
Жарко молится, да толку ни на грош.
Чтоб светилось её жертвенное лезвие –
Золотую свою голову положь.

Чья любовь и чья вода полуживая
Тело мёртвое по городу влечёт,
И свобода, словно тварь сторожевая,
Ухватилась за бумажное плечо.

На волшебной территории дурдома
Долго будешь нашу землю вспоминать...
В этом месте рифма будет тише грома –
Дураку ведь всё равно, что рифмовать.

Голова моя, разбитая об книжки
Всех целует, только выйдешь из ворот.
Не берут собаки волка, ребятишки,
Если волк не Иванов а Раппопорт.

Кто ответит мне на грустные вопросы,
Кто мне в рот наложил грустные слова,
Что упала в сад кудрявый, лес тверёзый
На три четверти неполная луна?

Чтоб играла чуть живая мандолина
Под окном, где спит задвинутый поэт,
Чтоб стихи во сне прошли, как скарлатина,
Отгоревшая, как яблоневый цвет.

Хорошо, когда на свете нету друга –
Покосились страшной жизни кружева.
Лишь бы ты, моя вечерняя подруга,
С паровозиком на Гоголя жила.

* * *

Листья красные жгут мои руки,
Ветер слёзы мне серые рвёт,
В платьях шёлковых старые суки
теребят мой измученный рот.

Я всегда был в любви невредимым,
Да, видать, меня бог наказал –
Вечно плыть в твои нежные с дымом
Голубые гнилые глаза.

Закури и умойся, княжна,
Слышишь, гуси картавят что-то
И об небо, как об наждак,
Заостряются самолёты.

ОТОЙДИТЕ, НЕ ЛЕЗЬТЕ КО МНЕ

У меня ничего не готово,
И стихов я почти не писал.
Золотого, тяжёлого слова
Я три года уже не сосал.
А вчера чуть совсем не разбился,
С журавлями снижаясь к земле...
Мне сказали, что я изменился,
Что три года я был на войне.
Ладно, ладно, ура.
Но под песни и крики
Никому не сказал, никому не стравил,
Что мне снятся товарищи:
Пётр Великий,
Николай Чудотворец, святой Михаил.
В нашем чёрном саду
Каждый день помирает садовник,
Но приходит другой,
Как и я, с бесконечной войны –
Золотые слова каждый день он приносит
с помоек
Для друзей для своих, для своей
беззаветной страны.

* * *

(Николаю Шипилову)

За деревней в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От весёлой реки, по траве из последних силёнок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребёнок,
Но ему перед батей уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнёт и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнёт,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнёт.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребёнка в ту ночь загорится звезда,

И при свете её он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу,
Он лежал на траве и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улегшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребёнок, нагнулся и начал читать.

Анатолий Владимирович МАКОВСКИЙ

(в народе МАКС)

Прямой потомок художника-передвижника Маковского. Родился в середине 30-х, без вести пропал в середине 90-х. Точных дат не знаю. Толя окончил физмат МГУ, близко общался с Сабуровым и Иоффе. Окончив аспирантуру, переехал в Сибирь, в Академгородок под Новосибирском. В ЛИТО Союза писателей вошёл (пожизненно) в нашу компанию (главный друг и противник Ивана Овчинникова). Работая в НИИ Академгородка, заведовал лабораторией и под это дело взял к себе работать Ваню и Жанку Зырянову (поэтессу и нашу подругу) они, якобы, тоже математики. Их бойкая лаборатория выигрывала соцсоревнования (по крайней мере Иван так говорит, уж не знаю, правда - нет ли...). Но потом математическая жизнь резко закончилась для всех троих.

Вот, что пишут о Толе критики: «Маковский странный, дикий, абсолютно внесистемный и внелитературный поэт, попирающий не только базовые законы стихосложения, но зачастую и элементарную логику вообще. Маковский... основной пользователь «антирифмы».

Очень высоко ценил его Евгений Харитонов.

Иван Овчинников считает, что Толя Маковский достиг того, о чём Хлебников только мечтал. («У Хлебникова многое из головы, а у Макса всё естественное.»)

«Я шесть лет прожил с народом

Было плохо и хорошо.

Раза два дали по морде

пальтишко я сам прожёл» – любимое Толино Ваней.

Смешное воспоминание. Толе негде было ночевать, он заехал ко мне, я говорю, поедem в ПЕН-клуб, там писателям помогают. В такси нарочно завела разговор про киевские дела (уже всё знала). Говорю: « После смерти твоей мамы, ладно, ты роскошную квартиру государству отдал, но коллекцию живописи эпохи передвижников зачем в музей-то сдал?» И Толя аж всплеснулся весь: «Нина! Ты что! Это всё принадлежит нашему народу !» Больше я Толю никогда не видела. Народ забрал не только квартиру и картины, но и самого поэта Анатолия Владимировича Маковского. Светлая ему память.

Нина САДУР

СТИХИ

* * *

Пахнет яблоками осень
красны девичьи уборы
я опять кого-то бросил
в философских разговорах

я шагаю рядом с вором

ты умён блатной приятель
плащ твой чёрный – крылья ворона
монастырь наш настоятель

с алкоголиками ходишь
гладишь девичьи колени
ты наверно плохо кончишь
повторишь судьбу Есенина

КУКЛА

Кукла – мне кукла нужна
кукла – шикарно одета
Кукла стоит у окна
Рыжеволосая девка

Взял я витрину разбил
Камень был злой как ракета
Вот уже стёкла в крови
В – красных чернилах поэтов

Помню – качнулась толпа
Помню – шарахнулись люди
Кукла – простите собаку!
Я – шизофреник, Вы – Люся...

Взяли расписку тогда
Кажется – отпустили
Кукла теперь уж – с Таганки
Где же теперь та? – Простила ль?

ГРУЗЧИК

*Своему учителю
Сергею Сербину (Гаврилычу)*

Он перед бочкой – как артист
А бочка хочет вниз
Она на лестницу рычит
Как бы гепард кубизма.

Она набуськалась вином
А он сегодня – трезв
Как дипломат перед войной
Иль утро стюардессы

Или – составщик поездов
Кому сто грамм вина –
Как в бочку с порохом пистон
Или в обком гранату

Граниты лестницы ведут
В Египет погребов
Где два служителя кладут
Ту мумию на бок

Чтоб Апис брюхо ей вспоров
Отправил к богу Ра
Но этот жест и топором
К ревизии бугра

А он стоит тореадор
А бочка – рыжий бык
Сто килограммов помидор
Для связей и гульбы

А он закусит рукавом
Когда она – внизу
Закончив номер роковой
Как раб перед Везувием.

ГОЛУБЬ

Голубь голубь ты летишь
Я тебя не накормил
Голубь ты меня простишь
День сегодняшний не мил

Станешь весело клевать
Стану весело смотреть
И опять не понимать
Как вас птиц не пожалеть

Потому что два крыла
Это пол-ещё мечты
Голубь голубь тень орла
Синий с искрами почтарь

Иван Афанасьевич ОВЧИННИКОВ

Родился в 1939 году в селе Нижний Ашпанак на Алтае. Учился в Новосибирском пединституте на филфаке. С середины 80-х — участник фольклорного ансамбля.

Аналогов тому, что делает Иван в поэзии, я не знаю.

Еще в ранней юности, будучи школьницей, я поступила в ЛИТО, неся в запасе влюблённость в Хемингуэя и Ремарка. (Надо же, а наших шестидесятников типа Аксенова совсем не могла читать...) Не понимала и обижалась, когда: «Любить переводную литературу нельзя. В ней языка нет. — Иван. — У каждого языка свои мысли». Сложно и даже скучно было — все эти восклицания, недосказанности, оборванности слов, которыми писал Иван.

Пока не написал знаменитое:

* * *

*Флаг... флаг... флаг...
На ветру.
А утихло, и —
фла... фла... фла...*

Это уже после поступления в фольклорный ансамбль, где Ваня пел и плясал много лет посреди румяных девок. (Недавно по телефону проговорился: «Если б я тогда не нашел фольклорный ансамбль, я бы умер».)

Евгений Харитонов, Ванин друг детства, очень многому учился у Вани.

Ваня проник в самую середину простонародного языка, встал вровень с его движением (все его стихи движутся, не стоят на месте), написал о языке, что хотел, в книге «Записки из города», а что не хотел — скрыл, потому что дальше уже тайное... для своих, для ОФЕНЕЙ.

Ну вот, смешной случай из нашей юности. (Мне Коля Шипилов рассказал, я уже забыла.) Одной зимой пришли ко мне в гости Коля и Ваня. Мы пили крепленое вино, и Коля красиво пел под гитару. А в другой комнате мой старенький дедушка переживал, что у юной девушки мужчины ночью песни поют. И когда он от бессилья выгнать заплакал, сердце моё вспыхнуло в его пользу. «Убирайтесь!» — приказала я друзьям. «Нинка, ты кого больше любишь? — возмутился Коля. — Нас или дедушку?» — «Дедушку больше, но и вас люблю. Раз так поздно и мороз под сорок, вы ложитесь в подъезде под батарею, я вам все вынесу». И вынесла одеяло, подушки, стаканчики и поесть. А утром Коля с Ваней снова ко мне вернулись!

ПОД ОКРЫТЫМ НЕБОМ

* * *

Сено, солома, вдали листопад.
Лягу на листья. – Пусти-ка,
милая, надо поспать.
Не даёт молотилка.
Колотится рядом. Да хрястко так,
густо.
По небу торопится стая.
В соломе наткнуться – ужасно и грустно
змея засыпает.
Голос,
Когда спишь, над тобой,
Далекий, любой.

* * *

Понимая с великим трудом
сотворённое всласть невеликими —
жизнь, короче, — минуя роддом,
на гармонике сроду не вскликивая,
встанем. Вечером после дождя
на кабине великое зарево.
Ждут ребята у клуба вождя,
глядя на небо, разговаривая.
Но и тут постояв, отойдём,
заалев, как вратарь за околицей.
Пару дней, а по-нашему — дён,
ходим, словно охотники по лесу.
Поглядев на стволы, на себя,
на товарища. До него ли?
Как тогда, в Ленинграде сойдя
вдруг у "биржи" стоял над Невою.
Поглядев... только это — нажим.
Не изменимся, не говорите!

Бросим враз, и быстрее побежим
на трамвай на граните.

ГРАНИЦА

На улице Тиволи, Риволи
смеялись, смеялись и тихо.
Склонилась русская Ивлева.
Ее ещё радует ихнее!
У нас тоже в полдень луна
бывает и ясное небо.
Под ним — за волною волна —
тебе — колосистого хлеба.
Сколько музык и столько готова
мучиться первые дни.
Сколько синего золотого
в их костёлах в тени.
В прохладе парижским попам
внимаешь и думаешь лихо:
не твой прародитель Адам,
а католический, ихний.

* * *

*Где ни одно желание
не перелетало через частокол.
Н. В. Гоголь*

Мне не нравится ни Сцилла, ни Харибда
озабоченных или лукавых лиц.
Третий – лишний – правда – кривда
наших перегруженных столиц.
Скопище желающего люда.
Старосветские помещики, меж тем,
люди неплохие были, ну да
как это докажешь сразу всем.

УРОК БИОЛОГИИ

Осень за школой... вот она...
Смирно в юннатском пруду
спят не боку земноводные,
сыплются листья в саду.
Холодно невозможно.
Что ты, природа? Ку-ку?
Видишь ведь сам, я сложена
На школьных столах, на току.
И, правда, и, правда, жалоба
на небеса, на меня...
Какая-то жалость к жабам
в опытах этого дня.
Но на момент, на миг ведь!
Это всегда, всегда
с болью природа никнет
у школы и у пруда.

ПРОЩАНИЕ С БЕСПЕЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Э, часики, а час который?
А чи то? Не понял, что, как?
Встаю, откидываю шторы.
А за окном закат...
Да под тихим небом
ярко—ярко полоса легла.
Лёг после обеда.
А толпа ушла?
Разлетелись гуси.
Дай-ка почитаю —
На столе записка:
Я пошла, пошла я.

ВЕЧЕРОМ

Представляю, как игумен посылал
Пересвета...
Как тревожился.
Всегда были рискованные
ответственные случаи.
И начинали большие люди.

* * *

Вынужден, слушаю Влаха.
Полужелезного, с колокольчиками.
У Нины Москвы огни,
Цветы, те далекие лампы.
Сейчас уже толпы
К любой пьеске,
Кликушке.
Для дела
колокола,
сипение, басы.
Или устал...
Имя усыпляет, уже отцепляет
имя его.
Бах, конечно, не Влах.

ВЫЗДРАВЛИВАЮ

Вот и Пасха, солнышко играет.
Некому сказать: Исус Воскрес.
Некому: Воистину Воскрес.
Все больные веруют в спираль.
В Пасху, правда солнышко играет.
Значит, мир в грехах не так погряз.
Жизнь ещё пойдёт на свете.
А за то, что я хоть так, а выражаю,
тётушка техничка к нам вошла
и сказала: с праздником, а я
сразу ей сказал: Христос Воскрес.
И она ответила: Воистину Воскрес.

